

ПОСЛЕДНЯЯ выставка изобразительного искусства Ирана в Тегеране, на которой, помимо живописи и скульптуры, экспонировались ковры и произведения каллиграфов, еще раз продемонстрировала блестящие образцы художественных ремесел. Иранская каллиграфия и миниатюра славились уже в средние века, тогда как станковая живопись по-настоящему начала развиваться лишь во второй половине XIX века. Работа ювелиров, чеканщиков по металлу и ковроткачество здесь издавна считаются искусством, хотя в Европе ковроткачество давно уже не связывается ни с искусством, ни даже с ремеслом.

В последние годы среди ковроткачей появились своего рода новаторы, которые пытаются преодолеть тысячелетнюю традицию и изобразить на ковре элементы живописи. В этом отношении смелые шаги делают братья Низами и Аббас Афсари Кашани и их мать, известная ковроткачиха-художница. На кашанском ковре мы увидели знаменитую картину П. Белоусова «Мы пойдем другим путем». В дни празднования 50-летия Советского государства этот ковер с изображением В. И. Ленина и его матери был вручен Низами Афсари Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному в качестве дара советскому народу.

Интересна судьба иранской живописи. Основателем современной классической школы иранцы считают Кемаля оль-Молька, ученики которого И. Аштиани, Хейдарьян, Мохсен Сохейли, Хусейн Шейх возглавили школы живописи по всей стране, стали пропагандистами строгих реалистических взглядов своего учителя.

Если пройти по улицам Тегерана — Лалезару, Надери, Кавамас-Салтане — или заглянуть в переулок рядом с гостиницей «Нью-Надери», где расположены небольшие студии и лавки художников, то по вполне доступной цене можно выбрать картины самого различного жанра.

В Иране чтят русское искусство, русскую живопись. Я помню, как известный художник Ашраф Вали часами простаивал у репродукций Репина, Верещагина, Куинджи в выставочном зале Иранского общества культурных связей с СССР.

Перепись населения 1966 года зафиксировала в стране 80 процентов неграмотных. Теперь в крупных городах почти все дети учатся. А в деревнях дело обстоит еще далеко не так хорошо. Со-

здание Корпуса просвещения, или, проще говоря, корпуса образованных солдат, которые вместо службы в войсках обучают детей в отдаленных сельских районах, — весьма полезное начинание. Это, конечно, полумера. Но все же Корпус просвещения приносит реальные плоды. Его работа полезна даже в плане общественных отношений.

Однажды, совершая поездку по стране, я попал в отдаленную деревню в районе Дамене, юго-западнее Исфагана. Пока шофер чинил машину, я разговорился с деревенским старостой, который подошел к нам не столько из любопытства, сколько из желания помочь. Это был такой же неграмотный крестьянин, как и другие, и по внешнему виду не отличался от сотен тружеников, встречавшихся нам в пути. Мы долго беседовали о крестьянской жизни, о переменах, происшедших в ней за последнее время, как вдруг на дороге показался мулла. Староста без всякого почтения приветствовал его, начал подшучивать и обзывать «дармоедом» и «паразитом». Я хотел было усюветить своего собеседника за такое обращение с духовным лицом, но староста не унимался:

— Сколько лет уже ест наш деревенский хлеб, а ни одного ребенка не научил грамоте. А вот

пришел солдат из Корпуса просвещения, и все пошло по-другому.

От уровня грамотности народа зависит многое, в том числе развитие литературы, хотя, как известно, в этом деле прямой зависимости не существует.

Современная художественная литература Ирана сейчас переживает период поисков новых форм и нового содержания. Классическая литературная традиция, с определенной системой образов и поэтических приемов, оказалась поколебленной. Поэты Сайе, Кесраи, Надерпур, Шамлу по-новому осмыслили жизнь и по-новому передали ее в стихах. В прозе широко используются все жанры. А вот романа в нашем понимании в Иране еще нет.

О возросшем уровне культуры свидетельствует издательское дело. Раньше книги в Иране издавались с большим количеством ошибок, небрежно, на плохой бумаге. А сейчас в книжных магазинах вы увидите книги персидских классиков, переводы лучших европейских писателей. Приятно отметить, что среди переводов все чаще встречаются произведения советских авторов.

Об общественных библиотеках и читальнях всерьез говорить еще нельзя, их очень мало, и, может быть, не случайно приходится наблюдать в Иране такие сценки. Весной, чуть только пригреет солнышко, в северной части Тегерана, особенно в кварталах, прилегающих к университету, сотни студентов и учащихся старших классов ходят по тихим улочкам с книгами в руках, готовясь к занятиям.

Что касается научных библиотек, таких, как Национальная, библиотека меджлиса, «Остане кодс» в Мешхеде, библиотеки университетов, то за последние годы книжные фонды их значительно пополнились, каталоги систематизированы, заведена аппаратура для изготовления и чтения микрофильмов. Но таких библиотек пока еще единицы.

Отрадным фактом является создание специальной библиотеки

Наш сосед

Пехлеви, в которой будет сосредоточена литература всех стран мира по истории, филологии, искусству Ирана. Во всех этих библиотеках я видел полки с русскими книгами. Их, правда, мало, но по сравнению с прошлыми временами — несравненно больше.

Интерес к русскому языку у иранцев велик. Мне не раз приходилось присутствовать на занятиях и экзаменах на курсах русского языка при Иранском обществе культурных связей с СССР. С каким рвением молодые люди овладевали основами русского языка! Изменились и цели его изучения. В 1963 году, когда вновь открылись курсы русского языка, на вопрос: «Зачем вы изучаете русский язык?» — ваш собеседник, как правило, отвечал: «Чтобы чи-

тать в подлиннике Пушкина, Чехова, Горького», Теперь к этому добавляются: «Я хочу скорее научиться читать советскую научную литературу. Хороший специалист — врач, инженер, археолог — не может обойтись без научной литературы на русском языке».

А сколько выпускников средних школ и грамотных рабочих обращается на курсы русского языка при управлении металлургического завода! Они просят обучить их русскому с тем, чтобы они смогли работать с советскими специалистами на строительстве металлургического завода — первенца иранской тяжелой промышленности.

Определенным показателем культурного уровня страны является то, как проводит свой досуг основная масса населения. Самое распространенное и доступное развлечение — кино. Кинотеатры есть почти во всех городах, за исключением Кума — цитадели мусульманского духовенства. Цены на билеты в кино сравнительно невысоки — в среднем 20—25 риалов.

Не нужно заниматься статистикой, достаточно пожить в Тегеране, самому походить в кино, чтобы убедиться в том, что экраны заняты американскими кинофильмами. Только одна фирма «Метро-Голдвин-Мейер» имеет в своем

Урок русского языка за сотни километров от России.

На фарси и по-русски: «Курсы русского языка» (фото внизу).

за Араксом

А. ШОЙТОВ

Кандидат филологических наук

распоряжении десять первоклассных кинотеатров, в которые не допускаются кинокартины других фирм. Десятки кинотеатров связали свою деятельность долгосрочными договорами с другими американскими фирмами. Самые бессмысленные боевики, вроде «Железного пальца» и не имеющей конца серии «Джеймс Бонд», прокручиваются в театрах на потребу невзыскательной публики.

Надо отдать должное иранцам, общественность и пресса не всегда остаются безразличными к демонстрации таких кинокартин. Время от времени раздаются голоса о вредном влиянии боевиков на молодежь, но всемогущие американские корпорации и их иранские филиалы почти не обращают внимания на эти выступления.

Независимые владельцы кино-театров — а их очень немного — иногда показывают хорошие французские, итальянские и индийские фильмы. Огромным успехом пользуются советские кинокартины, но их, к сожалению, на иранских экранах мало.

Может быть, не обязательно идти в кино? А где тогда развлекаться? Идти в ночные кабаре с артистической программой: а «Маями», «Клеопатру», «Шекуфейе ноу»? Но посещение этих мест доступно лишь людям богатым.

Весьма ограниченный круг любителей классической музыки посещает концерты, которые устраивает Тегеранское филармоническое общество — единственная организация, приглашающая иностранных артистов. Правление его возглавляет доктор Наини, профессор Тегеранского университета. Эта добровольная организация, состоящая из представителей интеллигенции, занимается полезным и благородным делом — знакомит иранскую публику с классической музыкой, известными зарубежными исполнителями. За пять с лишним лет сотрудничества с этой организацией я не заметил и следа коммерческой заинтересованности у ее руководителей. Вся их деятельность подчинена одной цели — поднять уровень музыкальной культуры интеллигенции Тегерана и Абадана, где у общества есть филиал.

Сколько раз с администратором этого общества господином Тахери мы стояли на балконе Мехрабадского аэродрома в ожидании советских артистов. Высокий, слегка сутулящийся, симпатичный Тахери, казалось, не подвержен волнениям, хотя при организации концертов в иранских условиях причин для волнений более чем достаточно.

Во всяком случае, Филармоническому обществу удалось познакомить иранскую публику с такими талантами, как Глеб Аксельрод, Валерий Климов, Рафаил Соболевский, Рашид Бейбутов, Гоар Гаспарян, Нина Исакова, а также с коллективами таджикских и армянских артистов. Если не считать случайных гастролеров из европейских стран, слабое мастерство которых справедливо критиковала иранская пресса, Филармоническое общество достигает своей цели.

Конечно, многое еще остается за пределами возможностей этой организации, существующей на взносы своих членоз и пользующейся скорее моральной, чем

материальной поддержкой министерства культуры. Но с каждым годом положение меняется к лучшему. Достаточно сказать, что в Тегеране наконец построено прекрасное здание Театра оперы и балета имени Рудаки на 1400 мест.

Создание министерства культуры вместо управления изящных искусств послужило толчком для многих положительных начинаний в области иранского искусства. Однако далеко не все вопросы решены. Подготовка национальных кадров для оперы и балета — большая и сложная проблема.

В то же время было бы не совсем правильно считать, что создавать оперу и балет в Иране придется на пустом месте. Есть симфонический оркестр, которым руководит талантливый дирижер Хешмат Санджари, выступавший несколько лет назад в Советском Союзе, есть опытные артисты, есть вокальные и балетные студии. Не случайно в октябре 1968 года театр уже сделал попытку поставить настоящую национальную оперу «Герой Сехенда».

Постоянного драматического театра в Иране, к сожалению, еще нет. Функционируют только разрозненные драматические труппы. Наиболее известной, именующей себя «Театр Анахита», руководят супруги Оскуи, в свое время учившиеся у советского режиссера Ю. Завадского. Они готовят по одной-две пьесы в год. Среди поставленных ранее пьес особое внимание привлекла «Таня» Арбузова с Махин Оскуи в главной роли. Пьеса больше ме-

Иранская актриса Махин Оскуи в роли Тани в пьесе Арбузова «Таня».

сяца не сходила со сцены, что по тегеранским масштабам говорит о большом успехе и мастерстве артистов. При определенной материальной поддержке эта труппа, как и другие, могла бы превратиться в хороший драматический театр.

Прогрессивная интеллигенция серьезно озабочена пагубным влиянием западного модернизма. Она выступает за возрождение традиционного народного искусства, которое единственно может служить прочной основой для развития национальной культуры Ирана. Советские люди искренне желают иранскому народу успеха на этом пути.

ДРЕВНИЙ ФОЛЬКЛОР ИНДИИ

БОЛТЛИВАЯ ЧЕРЕПАХА

(О вреде болтовни)

Две утки, жившие на берегу небольшого озера, водили дружбу с обитавшей по соседству черепахой. Начало озерце высыхать. Решили утки искать новое пристанище и забрать приятельницу с собой, чтобы она не умерла с голоду у высохшего озера. Приказали утки черепахе ухватиться зубами за серединку прутика, взялись клювами за оба его конца и полетели.

Летят они над деревнями, летят над городами. И всюду сбегаются мальчишки и кричат: «Смотрите! Смотрите! Утки несут черепаху!». Не выдержала черепаха, разжала рот и закричала в ответ: «Вам-то какое дело?». Упала она с большой высоты на землю и разбилась насмерть.